"Еда - есть, одежда - есть, вещи ниндзя - есть... Может быть, в следующем месяце".

Я сидел посреди комнаты и рассматривал свои покупки. У меня были основные продукты, которых должно было хватить на весь месяц, в основном рис и макароны, а также другие случайные вещи, которые, как я думал, мне понадобятся для еды. Мясо стоило дорого, так что его можно было есть время от времени; то же самое было и с молочными продуктами, но я не любил молоко, так что это не имело значения. Яйца были дешевыми, как и рыба. Что касается овощей, то, если знать, где искать, можно было найти хорошие предложения.

У меня перекосило рот. Я нашел еще одну причину, по которой Какаши ел только рыбу, рис и мисо-суп. Это было дешево.

Что касается одежды, то я брал то, что мог. Я отказывался тратить на это большие суммы денег, потому что я все еще рос и это было бы бессмысленно. Я покупал вещи, в которые мог вырасти. Удобными были топы в стиле кимоно, так что я купил парочку, немного великоватых размеров. Черный, темно-красный, темно-синий, серый. В паре с короткими черными штанами, дешевыми, которые растягивались, у меня были наряды, которые я мог носить практически везде и которые продержались бы какое-то время. С обувью была проблема. Мне нужны были подходящие, так как я не любил мозоли, а менять их приходилось довольно часто. В итоге я купил обычные сандалии-ниндзя, которые носили все вокруг. Мой кошелек сильно пострадал.

Сделав эти покупки и еще пару лишних, я подсчитал оставшиеся деньги и, приняв во внимание расходы на еду на ближайшие четыре недели, обнаружил, что не могу позволить себе снаряжение ниндзя. Я не мог купить ни набор кунаев, как мне хотелось, ни даже пару сюрикенов для тренировок. Без всего остального, вроде бинтов, проволоки и прочих мелочей, которые ниндзя носят с собой, я мог обойтись до окончания школы, но мне нужны были эти кунаи, чтобы тренироваться в метании.

Кроме того, я не мог достать ни химического оборудования, ни основных химикатов, необходимых мне для работы над ядами. Я даже не знал, где можно достать подобные вещи. Такая ситуация довольно сильно расстраивала.

Мне хотелось пнуть стену. У меня никогда не было подобных проблем, по крайней мере с тех пор, как я только начал работать ассасином. Я уже и забыл, как это обидно - быть на мели.

Это было хреново, но, по крайней мере, у меня было где жить. И довольно неплохое. Здесь была одна главная комната с кухонным уголком, низким столом и шкафом с японским постельным бельем, которое мне приходилось доставать каждую ночь. У меня была небольшая ванная комната с душем, но лучше всего была дополнительная комната справа. Она была узкой, почти слишком маленькой, чтобы считаться комнатой, что навело меня на мысль, что изначально она предназначалась для хранения вещей. В ней было пыльно и темно, но в обоих концах имелись небольшие окна, которые обеспечивали достаточную вентиляцию, когда их открывали. Она идеально подходила на роль лаборатории.

Если бы у меня было необходимое оборудование.

"Ах, это отстой, отстой, отстой, отстой, отстой..." повторял я, вышагивая по квартире. Я покусывал ноготь большого пальца. Мне нужно было быть более терпеливым. Я не мог забегать вперед. Дело наконец-то начало сдвигаться с мертвой точки, поэтому я должен делать то, что можно сделать в данный момент. Я ждал уже почти пять лет. Я мог подождать еще немного.

Я сел за стол и открыл блокнот, который дал мне Итачи. Кандзи, красиво нарисованные черной тушью, были выстроены на страницах, рядом с ними находилось значение на хирагане, а также общепринятые чтения. Всё верно. Что я мог сделать прямо сейчас, так это догнать парней Учиха.

Я стиснул зубы, рука бессознательно сжималась. Я не собирался оставаться позади. Я собирался догнать их.

Я опустил взгляд на страницу. "О нет... Я все испортил". Я быстро разжал руку - слишком поздно. Бумага была помята. "А ведь она была написана так красиво".

В тот вечер, после еды с Какаши (я упоминал? Мы были в одном здании - несомненно, совпадение), которая подтвердила мои подозрения о том, что он не способен сделать ничего другого, я сидел за столом и учился. Я украл из его квартиры еще бумаги и два часа подряд задавал себе вопросы, пока не убедился, что записал их все до единого. Это не заняло так много времени, ведь некоторые из них я уже знал. Только убедившись, что они надежно вбиты в мою голову, я закрыл блокнот и достал постельное белье. Я поставил будильник на восемь утра и впервые за пять лет этой новой жизни лег спать один.

Ощущение было странным. Да и не должно было. Но в той маленькой деревне у границы, где Томоко вырастила меня, в том маленьком домике, который мне никогда не разрешали покидать, мы делили футон. Она присматривала за мной, когда я засыпал, нежно гладила по волосам, когда я беспокойно ворочался.

После этого я оставался один в лесу, но ненадолго, и тогда я спал с Рин. Приехав в Коноху, я занял кровать Какаши и не позволял ему спать на полу. То же самое было и после моего возвращения.

И вот теперь я был здесь, один в своей собственной кровати. Тикал будильник, и по потолку изредка играли тени. Ощущение было довольно пустым. Постельное белье было широким, футон - толстым и тяжелым; я чувствовал себя очень маленьким.

Черные и красные кандзи плавали в моей голове, танцуя и закручиваясь в спирали, словно издеваясь надо мной, и я заснул.

"Гора".

Слишком просто. Я написал. "При чтении - "сан", "сен". При чтении куна - "яма"".

"Женщина".

Тоже легко. "Он" - 'джоу', 'нио', а "кун" - 'онна'. Говорю тебе, я знаю все это!"

"Еще парочку. Луна?"

ворчал я. "Онна", - сказал я томным тоном. " 'Гетсу', 'гатсу'. Кун, 'цуки'.

Изучение кандзи, как я и ожидал, оказалось довольно сильной болью в шее. Сложность заключалась в том, что существует несколько способов прочтения каждого иероглифа и нет установленных правил. Я заглянул в учебник Итачи, и когда несколько кандзи объединялись в одно слово, приходилось учить правильное произношение наизусть. Откуда мне было знать, когда читать "луна" как "гатсу", а когда как "гетсу"? И это была лишь верхушка айсберга. Думаешь, на японском сложно говорить? Попробуй его прочитать.

Несмотря на все мои жалобы, заучивание материала было не самым сложным занятием, и Итачи явно говорил мне об этом глазами, пока я ворчал и ерзал. Он дал мне еще один кандзи для рисования тоном, не терпящим возражений.

"Музыка". Я знал это. "Все номера, от одного до десяти". Я подчинился. "Огонь. Вода. Цветок".

"Привет, Мидзу, Хана". пробормотал я себе под нос, записывая их.

"Я слышал свое имя?"

"Ба!" подпрыгнул я. "Откуда ты взялся?"

"Я только что вернулась с обеда". Хана облокотилась на наш стол, скрестив руки на поверхности. "Мне было интересно, почему вы, ребята, остались в классе. Вы учитесь?"

"Очевидно", - сказал я. "Я отстаю по всем предметам. Кроме математики". Я улыбнулся про себя. По крайней мере, я гарантированно был лучшим в одном деле... Никто не победил бы меня в математике. Никто.

"Как далеко ты продвинулся? Дай-ка я посмотрю". Она села на скамейку рядом со мной, немного подтолкнув меня, чтобы освободить место. Мой локоть столкнулся с локтем Итачи.

Она обдумывала мои ответы на подсказки Итачи. "А, мы не видели эту. Или эту. Сколько ты выучил?"

"Пятьдесят".

"Почему? Мы сделали только двадцать или около того".

Я бросил в сторону Итачи взгляд, полный отвращения. Он добродушно улыбнулся. "Наверное, я хотел вырваться вперед". сказал я небрежно.

"Ты пытаешься закончить школу раньше времени?" - спросила она с большими сомнительными глазами.

"Может быть". пожал я плечами.

"Хуууум... Хочешь поиграть в прятки?" Не думаю, что кандзи были ей так уж интересны. Как и мой план покинуть это место пораньше, который она либо не считала возможным, либо просто действительно не интересовалась.

"Нет, спасибо".

"Ты предпочитаешь остаться здесь, а не пойти на улицу и поиграть? Это так странно!" рассмеялась Хана. "Да ладно, пойдём! Здесь слишком душно, а на солнце чувствуешь себя отлично!" Она дернула меня за рукав.

Я рывком выдернул его из ее руки. "Мне плевать. Ты доставляешь мне неудобства. Уходи". огрызнулся я.

http://tl.rulate.ru/book/106731/3912570